

Беседа

у камина

№ 11

by Кат. К.

Кат Кузнецова

Содержание

Вступительная статья [2](#)

Проза

Александр Савостьянов «Фальсификация» [3](#)
Алекс Беляев «Дерево Йогуль» [6](#)
Татьяна Белова «Притча о красоте жизни» [8](#)
Наталья Рыжих «Средство для похудения» [10](#)
Июния Сосновоборская «Белые ночи Самотлора» [13](#)
Софья Хрусталева «Золотая стерня» [18](#)
Алексей Решенсков «Кот Василий» [20](#)
Виларен «Как аукнется, так и откликнется» [25](#)
Бэд Кристиан «Сказочка про жизнь блохов» [28](#)

Стихи

Евгения Литвиненко «Женская сказка. Триптих» [12](#)
Юлия Гореева «К`анеки Илайя» [16](#)

Рисунки

Кэт Кудинова [Обложка](#), [5](#), [9](#), [15](#)
Анна Кокотова [19](#)
Юрий Франк [19](#), [27](#)

Здравствуйтесь, дорогие читатели!!!

Вот и увидел свет долгожданный 11-ый номер газеты "Беседы у камина". За время расставания с вами нам подумалось: «А почему мы не встречаемся чаще?». А ведь и правда, почему? За время нашей разлуки происходит столько интересного и необычного, что аж дух захватывает, как хочется поделиться.

Посоветовавшись, мы решились на очередную реорганизацию работы нашей газеты. Начиная с этого номера, газета будет выходить каждый месяц. Да, несколько уменьшится объем, но значительно увеличится простор для новых тем, о которых мы сможем поговорить на страницах газеты.

Друг от друга номера будут отличаться значительно. Все те рубрики, которые раньше радовали вас в газете, больше не будут объединены одной обложкой. Мы разнесем их по трем разным номерам. Так, этот номер будет тематическим.

Тема этого номера «Мифы. Сказки. Легенды». Честно говоря, выбирая эту тему, мы никак не ожидали увидеть столь разные и интересные произведения. Номер получился ярким, необычным.

Система отбора произведений остается без изменений. Мы все так же ждем вас на страницах сайтов Вконтакте, stihi.ru и proza.ru, где будут создаваться новые темы для отбора и обсуждения произведений.

На этом желаем вам приятного чтения!

Александр Савотьянов

Фальсификация

Уста мои изрекут премудрость,
и размышления сердца моего — знание»
Псалтирь (48:4)

— О боги, будь неладен этот Потоп! — старейший из богов тяжело вздохнул. — Все наши космические коммуникации уничтожены, система воздушных сообщений разрушена... Придётся начинать всё сначала! С посадочной площадкой для наших кораблей мы уже определились. Теперь дело за главным — мы должны восстановить разрушенную Потопом систему связи. Я объявляю конкурс на лучший проект. Компетентное жюри выявит победителя...

Председательствующий был придирчив и строг. Проектов было много, и все они были разные, начиная с ажурных сооружений в виде параболических зеркал с телескопическими антеннами, и заканчивая неказистыми плоскими рамами с укрепленными на них многочисленными стержнями. Но все они грешили двумя существенными недостатками: слишком большим расходом металла — порядка нескольких сотен тонн, и неспособностью противостоять суровым природным катаклизмам. Потоп — яркое тому подтверждение!

— Всё это мы уже проходили! — председательствующий откровенно зевнул. Вид дуги с далеко отстоящими друг от друга концами окончательно вывел его из себя. — Да поймите же вы, наконец, что для трансляции радиопередач не требуется ничего, кроме компактного передатчика. Другое дело — надёжная защита от стихии, и... — он многозначительно вздохнул, — и от людей...

И тогда перед глазами порядком раздосадованного жюри предстал... Тот. Тот самый Тот...

— Уважаемое жюри! — Тот выразительно посмотрел на председательствующего, — Надеюсь, что мой проект — это как раз то, что нам нужно!

Члены жюри с интересом склонились над чертежами. Общие данные произвели на всех двойное впечатление.

— Элементарная пирамида! — разочарованно пробормотал первый.

— Гранит, известняк, — удовлетворённо заметил второй. — Исключительно местные материалы.

— И существенная экономия металла! — добавил третий.

— Вы только посмотрите, что там внутри! — Тот развернул принципиальную схему электронных устройств.

— Да тут целая система маяков и радаров! — председательствующий начал постепенно оживать. — Неплохо, совсем неплохо! Продолжай, Тот. Мы все тебя внимательно слушаем!

— Эта элементарная пирамида — многофункциональное инженерное сооружение, — Тот развернул план расстановки энергетического оборудования. — Это автономная энергосистема, работающая на воде, — Тот уверенно ткнул пальцем в продольные профили водопроводных каналов. — Аппарат водного топлива расщепляет воду на водород и кислород... Вот камера сгорания водорода, — указующий перст Тота превосходно ориентировался в лабиринте многочисленных галерей, туннелей и вентиляционных шахт. — Тепловая энергия, получаемая в результате сгорания водорода, преобразуется при помощи данного генератора в необходимую нам форму чистой энергии, которую можно использовать. Как для внутренних нужд, так и для дозаправки наших кораблей... Эти четыре опорных площадки на верхней платформе пирамиды — специально для них!

— Похвально, очень похвально! — председательствующий не скрывал своего одобрения. — Теперь вот такой вопрос: какова степень защиты данного сооружения?

— Очень надёжная. Я разработал целый ряд устройств для автоматического открывания и закрывания дверей... Тройные опускающиеся двери, — начал перечислять Тот, — скользящие двери из гранитных плит...

— Ещё один вопрос! — один из членов жюри упорно не желал мириться с подобным положением вещей. — Точнее, два! Я тут кое-что просчитал... Вертикальные нагрузки, например. И, по моим расчётам, подобная конструкция рано или поздно просто рассыплется — вопрос

времени... И ещё! — Слишком большой объём. Меня это пугает. Тем более, имеется в виду не одна пирамида, а целых три. Вернее, четыре...

— Хороший вопрос! — Тот досадливо передёрнул плечами. — Я провёл необходимые геологические изыскания. В основании всех трёх пирамид лежат три огромных скалы — остатки пролегающей там горной гряды, способных выдержать любое давление, а из четвертой скалы можно без особых затрат вырубить так интересующую вас символическую фигуру! — Тот зашуршал генеральным планом застройки. — Необходимое технико-экономическое обоснование прилагается, — Тот раскрыл пояснительную записку в нужном месте. — Реальные объёмы работ в три раза, подчёркиваю, в три раза меньше ваших. Вы ошибаетесь!

— Я не получил полного ответа на свой вопрос! Зачем нам нужны ещё две пирамиды и монумент?

Тот сосредоточенно рылся в бумагах.

— Отвечай, Тот! — председательствующий с явным неудовольствием покосился в сторону своего коллеги. — Члены жюри вправе задавать любые вопросы! Итак?

— Ну, во-первых, главная пирамида выполняет в основном функции диспетчерского пункта, а все три вместе представляют собой мощный оборонительный пояс. И ещё: все три пирамиды точно отображают положение звёзд пояса Ориона. А во-вторых... — Тот загадочно улыбнулся, — у людей своя мера времени, а у нас — своя! А в это время как раз эра зодиака Льва...

— Звучит неубедительно!

— Ну, почему? Если мы пожелали бы передать людям будущего хотя бы приблизительное время Потопа, лучше всего связать его с положением звёзд на небе в эпоху зодиака Льва, а фигура, изображающая лежащего Льва с божественным лицом, как нельзя лучше соответствует новому отчёту времени...

— Я думаю, у компетентного жюри больше нет никаких вопросов. Всё и так ясно! — Председательствующий прямо сиял. И в прямом, и в переносном смысле — голубоватый нимб над его головой переливался всеми цветами радуги. — Осталось только обсудить детали производства работ. Данный проект — это действительно то, что нам нужно! — Он перехватил насмешливый взгляд, направленный в его сторону...

...Бион просто не мог сдержаться — сами боги страдали тщеславием. Совсем как люди! Человек из будущего удовлетворённо хмыкнул — лицо у эскизного льва было точной копией лица председательствующего. Поразительное сходство!..

Бион был доволен — наконец-то он раскрыл давно будоражащую его сознание тайну легендарного Сфинкса, равно как и трёх великих пирамид Гизы... Только люди оказались гораздо тщеславнее своих богов. Только люди могли пойти на прямой подлог, — в этом Бион теперь нисколько не сомневался.

И, действительно, тщеславные египетские фараоны присвоили себе все три великие пирамиды Гизы. Первым решился на столь неблагоприятный поступок вдруг возомнивший себя богом, но весьма посредственный правитель — небезызвестный Хеопс. Дурной пример оказался заразительным — Хафра и Менкаур присвоили себе две оставшиеся пирамиды, даже не попытавшись понять, что же там внутри!

В двух словах — произошла фальсификация... Самая настоящая, это точно...

Правда, люди строили и свои пирамиды, но не под тем углом, не в том ракурсе и совсем не с таким смыслом... И хотя это совсем другая история, но всё равно, это тоже фальсификация...

Кат Кудинава

Не манастка

Алекс Белаев

Дерево Йогуль

В глубинах Космоса существует планета чудная. Нега имя ей. Обитают там с Начала Времён воины Шаа. Рождаются воины под звон призывный Колокола, и в своё время умирают под звон тоскливый, и в бой отправляются по зову Колокола. А сражаются воины Шаа на планетах других, воинами рождаются, воинами и умирают, и мало кто из них мечтает об иной участи. После боя возвращаются они на Негу, чтобы отдохнуть да сил набраться. Сражаются же супротив Теней, ибо обычай таков с Начала Времён.

Воды рек Неги кружили воинам голову, так что о планете Итхил забывали, куда попадали они после гибели от меча Тени. Располагались на берегах рек шары-яства разноцветные, и наслаждались вкусом чудесным воины, и утихала боль от ран, в битвах полученных.

Росли на Неге деревья чудные, и нежно касались воинов ветви лиловые, даря воинам наслаждение, и забывали они страх, что был в глазах врагов их. Ибо помня о страхе врага, в другой раз можешь помиловать, а не должно. Листья деревьев чудных то одну, то другую картину воинам показывали, то так, то этак сгибая ветви. Услаждали те картины глаза воинов, и забывали они о реках крови Теней, и о телах изувеченных. Ибо нельзя сожалеть о том. То одно, то другое дерево цвело, и источали аромат цветы белые, и ублажали нюх воинов, и забывали они вонь от мертвецов на поле брани. Ибо, помня о той вонь, и в бой вступать не хочется. Из одного места в другое могли перемещаться деревья чудесные и каждое древо имя имело. Когда созревали плоды на деревьях чудесных, то лились из плодов мелодии прекрасные и услаждали слух воинов, чтобы забывали воины о криках врагов своих. Ибо с каменным сердцем должно в бой вступать. Так устроено, что одно древо цвело, на втором уж плоды созрели, третье картины ветвями выписывает. Что желал, то и находил воин.

Но однажды выросло на Неге странное дерево. Ствол толстый, корни длинные, ветви чёрные да не гибкие, листья большие да зелёные. Не могло то дерево ласкать воинов, и ветви его картины не выписывали. Имя ему Йогуль. Быстро росла Йогуль, и вскоре в два раза выше иных древ была. Широко раскинула ветви свои, но росла в одиночку, так как иные древа презирали Йогуль и смеялись над ней, мол, нет от неё никакого проку. Да и сама Йогуль опечалилась, ибо не зацвела в срок.

Только тем и жила Йогуль, что каждый день приходил к ней воин Флиг и утешал:

— Подожди, Йогуль. Ничего нет во Вселенной бесполезного.

Йогуль всё росла и росла. Вскоре макушка её сиреневых облаков касалась, а ветви разрослись на пятьдесят шагов в ширину. Не любили Йогуль деревья чудные и уговаривали воинов срубить её. Мол, уродлива и бесплодна Йогуль, лишь тень отбрасывает, но по сути, бесполезна. Ибо каждое дерево ценно плодами своими. Но воины срубить Йогуль не отваживались, так как с Начала Времён не было на Неге ничего лишнего.

— Не время плодоносить Йогуль, но плоды её будут необычными, — говорили воины деревьям чудным.

Приходили к Йогуль воины, словами её поддерживали и в тени её отдыхали. Многим и плодов поющих не надо уж, но более чудных плодов ожидали. О плодах и мечтала Йогуль, но время шло, а ветви её так и не покрылись цветами. А раз не цвела, так и плодов нет.

Так четыре года минуло. Воины устали ждать плодов чудных и перестали приходить к дереву могучему. Уже и они думали, что по ошибке Йогуль выросла и никогда не принесёт плода. Давно бы срубили то странное дерево, но Флиг ни на шаг не отходил от него.

Возлюбил Флиг Йогуль, хоть и без плодов, и постоянно был в тени её. Оттого никто из воинов не отваживался срубить большое дерево, но и с Флигом не общались, считая странным его. Ибо странно любить дерево, что плода не приносит.

Йогуль же любила Флига, ибо он поддерживал её и постоянно был с ней. Только с Флигом и общалась она, ибо деревья чудные презирали Йогуль. Мечтала Йогуль плоды принести и одарить воина возлюбленного. Флигу же и без плодов древо нравилось. Так жили они вдаль от всех, древо бесплодное и воин, тенью от древа того наслаждающийся.

И тут обмелели реки, и исчезли с их берегов шары съедобные. Пришлось воинам вкушать плоды горькие деревьев чудных, но недолго вкушали. Ибо короткие корни у деревьев тех, вода же ушла от поверхности. От того одно за другим засыхали деревья чудные. А Риза — звезда близ Неги, источала тепло больше обычного. Так, что страдали воины от жары, от жажды и от голода.

Тут вспомнили воины о Йогуль и направились в тень спасительную. Когда же пришли, увидели на ветвях цветы розовые. Возрадовались воины, ибо только плоды чёрного дерева могли утолить голод их.

Но более всех Флиг возрадовался:

— Вот и наступило время плодоносить тебе, любимая Йогуль.

На другое утро были усыпаны ветви Йогуль плодами спелыми. В форме шаров плоды те, цвета красного да на вкус приятны, размером же с два кулака. Первым отведал Флиг плод Йогуль, отчего та и была счастлива, так как четыре года мечтала одарить его. Кусочком маленьким утолил Флиг и голод, и жажду. На всех воинов хватило плодов, а на месте плодов сорванных появлялись цветы розовые, а утром оказывались на месте цветов плоды новые.

Три месяца кормила Йогуль воинов плодами своими, и оттого была счастлива. Воины называли её кормилицей и отдыхали в тени её.

Но вот закончилась засуха, и потекли реки полноводные, и яства появились на берегах рек. Не цвела более Йогуль, и плоды иссыкли, и листья опадали с ветвей её. Засыхало странное дерево, ибо прошло время его.

Однажды пало на землю странное дерево, и очень огорчился Флиг тому, и скучал по древу до конца дней своих.

Древа же чудные устремили вверх ростки свои. Ласкали они воинов прикосновениями ветвей своих, картинами из ветвей развлекали их, ароматом цветов ублажали обаяние воинов, и дарили воинам радость от мелодий из плодов спелых...

Татьяна Белова

Притча о красоте жизни

Умерла старуха, лежит в гробу год, два лежит, а перед глазами всё одни и те же картины: то таз с пузырями, то сковородка с кипящим жиром, то потолок в спальне, то стена облупленная, на которую смотрела она всю жизнь, работая в конторе или на заводе, или где там каждый из нас работает...

И взмолилась старуха: «Господи! Всю жизнь я трудилась, головы не поднимала, думала умру, в рай попаду, навеселюсь... А здесь всё то же»...

И вдруг слышится ей голос: «Вам жизнь дают в том мире, чтобы вы наслаждались им! Вот смотри, что было в твоём городе, когда ты стирала, варила, спала».

И предстали перед ней картины: осень золотая, журавли над озером в стаю собираются; лето и радуга в пол неба; весна и луг в цветах, и птицы поют на все голоса; зима снежная, а на снегу снегири с синичками зёрнышки клюют, которые другие люди им принесли и смех слышится тех, кто на салазках и на лыжах с горок катается. А потом ночь звёздная и Млечный путь — радугой, и звездопад с желаниями загаданными...

А потом музыка полилась, которая в филармонии их звучала, пианисты, скрипачи заиграли, певцы запели. Бах, Гендель, Моцарт, Бетховен, Мендельсон, Чайковский, Рахманинов...

Картины маслом писанные всплыли, которые в галерее её города висели, но она туда не ходила и книг с великими картинами из других музеев не смотрела.

Города с архитектурой великолепной перед глазами появились, храмы с иконами, мечети, костёлы с органами, море с чайками и яхтами...

«Ну, что стоило вам билет за 20 рублей купить и съездить?.. Вам дарят целый мир почти на целый век, а вы носы в свои кастрюли засунете, а потом на бога пеняете, что сер его мир»...

Смолк голос, картины за собой унёс и больше на мольбы её не отзывался...

Кэт Кудимова

Маска

Наталия Рыжих

Средство для похудения

Круглый, как колобок, мальчик, пыхтя, поднимался вверх по лестнице и приговаривал:

— Не пойду больше в школу, сколько можно! Со всех сторон только и слышится «пирожок», «толстый», а сегодня вообще «сарделькой» обозвали, когда на турнике повис. От такого позора куда-нибудь в лес дремучий убежать хочется!

Зайдя в комнату, мальчуган бросил рюкзак на пол и подошел к висящему на стене большому зеркалу:

— Наел щеки, как хомяк, смотреть противно. Бабушка не понимает, блинами со сметаной пичкает: «Кушай, Сергуня, на здоровье!». А какое уж тут здоровье, ребята в футбол с собой играть не берут, неуклюжим называют. Вот если бы было средство волшебное, чтобы сразу похудеть, уж я бы...

— Не кори себя, добрый молодец, дело поправимое, — вдруг прозвучал голос из старинного зеркала, — имеется у нас в сказочном лесу такое средство чудодейное, только путь туда опасен и долог. Не испугаешься?

— Это ты со мной говоришь, Зеркало? А что же раньше-то молчало? Да я на все готов, помоги мне, пожалуйста, — сказал мальчик.

— Раньше не было такой необходимости. Закрой глаза и шагай прямо в меня, не бойся, — ответило Зеркало, — Раз, два, три...

Сережа шагнул, и очутился в густом лесу. Он закрутил головой по сторонам: «Куда же идти в поисках чудодейственного средства?»

— Ой, какой вкусный обед сегодня сам ко мне пожаловал, — услышал парнишка неожиданно, — румяный, сдобный, просто объедение, — Серый Волк клацнул зубами и облизнулся.

Ноги мальчика среагировали быстрее, чем голова. Быстро-быстро они уносили его от опасности. Сереже казалось, что вот-вот ужасный Волк большими прыжками настигнет его, но этого почему-то не происходило. Впереди заблестела речка.

— Вот где можно укрыться от преследования, — подумал парнишка. Будто кто-то подсказал ему слова:

— Речка-матушка, спрячь меня.

— А ты помоги мне берег от мусора расчистить, я тебя в обиду не дам, — прожурчала в ответ Речка.

Сережа споро взялся за дело. Едва закончил с уборкой, как из леса выскочил волк и направился прямо к нему. Речка сдержала слово, укрыла беглеца от преследования. Когда опасность миновала, Сережа вновь отправился в путь. Но не тут-то было:

— Ах, вот он где, мой пушистый птенчик, — прозвучал из-за спины голос Волка, — сейчас я тебя....

Очнулся и отдышался мальчик только возле большой яблони.

— Яблоня-матушка, спрячь меня, — прокричал он.

— А ты съешь моего наливного яблочка, тогда и спрячу, — прошелестело листвою дерево.

— Поесть бы и в самом деле не мешало бы, — подумал мальчик, — я ведь сегодня без обеда.

Одинокое крупное яблоко висело высоко, чтобы сорвать его, необходимо было влезть на дерево. Кое-как Сереже все же удалось вскарабкаться по веткам и, дотянувшись, сорвать ароматный румяный плод. Вкуснее он в жизни ничего не ел.

Яблоня спрятала мальчика, и Волк пробежал мимо.

— А где здесь у вас чудодейное средство от похудения? — поинтересовался Сережа.

Дерево протянуло ветку, указывая направление движения. Мальчик оглянулся, вдалеке маячила приближающаяся фигура Волка. Он поспешил вперед.

По пути встретила Сереже русская печка, которая попросила растопить себя, пообещав спрятать в случае необходимости от зубастого преследователя. Это оказалось делом нелегким. Мальчику никогда ранее не приходилось рубить дрова, но печка подробно проинструктировала, даже про технику безопасности не забыла напомнить. Сережа так увлекся, что даже про запас наколот. Вскоре в печке загорелся огонь. Довольная, она поблагодарила помощника и показала дорогу дымком из трубы. Волка нигде не было видно.

Сережа зашел в светлую березовую рощу и остановился, прислонившись спиной к белому стволу. Только теперь он понял, как сильно устал.

— Вот мы и на месте, — прозвучал сзади знакомый голос Волка. — Да прекрати ты от меня убегать, я мальчиками не питаюсь — гуманист по натуре.

— Тогда зачем пугал? — недоверчиво спросил парнишка.

— Шутка юмора, — оскалился Волк, — ты с перепугу не забыл хоть, зачем к нам в сказочный лес пожаловал?

— За средством волшебным, — ответил Сережа.

— Так бери, вот же оно, почти под ногами у тебя, — показал Волк на тихо журчащий родник, возле которого стояли ковшик и наполненное ведро. — Из ковша ключевой студеной воды напейся, а из ведра, на солнышке согретой, — облейся, вот и будет тебе здоровье и бодрость.

Как только мальчик это сделал, все вокруг него завертелось-закружилось-замелькало и он очутился ... на футбольном поле.

— Пасуй мне, Серый, — кричал ему одноклассник Никита, тот самый, от которого Сереже обычно больше всего насмешек доставалось. Сергей ловко передал пас и азартно включился в игру. Вскоре ему удалось забить свой первый гол в ворота противника.

— Ну ты и крут, Серега, — похлопал его по плечу Никита, когда матч закончился победой.

— Где это ты научился так защиту обходить?

Домой Сережа пришел счастливым.

— Исхудал-то как в одночасье, — всплеснула руками бабушка, — иди, мой руки, Сергуня, да к столу, на ужин твои любимые блинчики со сметанкой.

— Не мужская это еда, бабуль, — чмокнул ее в щеку Сережа, — Давай-ка мы про блинчики и пирожки теперь забудем. Спортсмен должен себя в форме держать.

Он на минутку задержался возле зеркала, полюбовавшись своей подтянутой фигурой, и пошел делать домашнее задание. Сказки сказками, а уроки на завтра никто не отменял.

Евгения Литвиненко

Женская сказка. Триптих

1. Рапунцель

На вершине башни
Жду давно спасенья,
Где же ты, мой важный?
Напрягаю зренье.

Отрастила косу,
Только что в ней толку?
Горя отголосок:
Милый-то далеко.

Мнится, слышу цокот,
Тише, громче, тише...
Жду тебя, мой сокол,
Мой далекий-ближний.

В радость окунуться,
Счастья отголосок:
«Я пришел, Рапунцель,
Скинь мне свою косу».

3. Фрейя

Ездовые кошки
Ложь скребут под дверью.
Бросил на окошко
Ястреб оперенье.

Я одену перья,
Стану резвой птицей.
В небо до забвенья,
Чтоб не возвратиться.

Слезы золотые
Сыпать меж деревьев,
И не жди, постылый,
Я не сброшу перья.

Видишь, ястреб кружит,
Воздух пьет, пьянея.
Прошепчи, ненужный:
«До свиданья, Фрейя!»

2. Спящая красавица

Флер оцепененья
Брошен жизнью новой
На меня. Стремленья —
Вот мои оковы.

И все вроде ладно:
Замужем за принцем.
Да полито ядом
Яблоко-убийца.

Клетка золотая
Или гроб хрустальный?
Я сама не знаю,
Ты мой ближний-дальний.

Поцелуй ли нужен,
Скинуть сон мой древний?
Голос твой простужен:
«Спи, моя царевна»

Юноша Сосновоборская Белые ночи Самотлора

В городе ревели сольными аккордами бас-гитара, и окрашивал палевое небо всполохами фейерверков праздник, а здесь, на буровой, царил звенящая тишина. Торжественный покой белой таёжной ночи, сотканный из тысяч не воспринимаемых человеческим ухом звуков и не фиксируемых человеческим глазом движений, лишь изредка нарушал своим призывным уханьем ночной вешун.

Дед Тихомиров, сидя у костерка, деревянной лопаточкой помешивал варящуюся в казане перловую кашу да попыхивал самодельной трубкой.

— Дед, — окрикнул его с приступков бытовки помбур Талгат. — Ты тушёнки хорошо положил или опять пару банок зажал?

— Твоей ли корове мычать, милоч? — хитро прищурившись, дед затянул «На реч-ке, на реч-ке, на том бережо-о-очке», — тушёнка-то только свиная осталась!

— Так ночь на дворе, Алла-бабай спит! — хохотнул юноша и, подхватив навязчивый мотивчик, запел с Тихомировым «мы-ла Мару-сень-ка бе-е-елы-е ножки».

— Чего-то Сашка с Колькой запропастились совсем, — кинув беспокойный взгляд в сторону озера, старый бурильщик потёр запястьем пораненное накануне колено.

— Бригадир утром приедет, так ты езжай с ним в больницу, дед, а пока сделай, как Сашка велел, — осторожно вполголоса, зная дикий Тихомировский характер, посоветовал Талгат.

— Сашка твой польнью своей только добрую водку испоганил, а по больницам я сроду не шлялся и шляться не собираюсь — само заживёт, — беззлобно огрызнулся дед.

Через несколько минут на тропе показались Сашка с Колькой — две тени на фоне неба, одна повыше, другая пониже; ещё через пару минут они были на месте.

— Талгат, вывали рыбу в кадку, — скомандовал Николай, кивнув на полные вёдра. В свете костра бока живых ещё карасей играли золотыми и серебряными бликами. — Воды мало будет, так подлей — пусть поживут до утра.

Ели молча, с удовольствием вылавливая из тарелок и отправляя в рот крупные куски нежного мяса, которого в незатейливом вареве было много больше, чем самой каши.

— Знатная сегодня каша! — похвалил Саша, благодарно кивнув деду Тихомирову.

— Так то ж только для своих, — довольно ухмыльнулся дед, набивая трубку. — Начальство на кусте баловать ни к чему — они дома, да в столовке хорошо без нас нагибаются, ну а мы здесь — без них.

— А это что ещё за чёрт? — ткнул пальцем в небо Колька.

Над тайгой, неведь откуда взявшись в светлом небе, плыло большое фосфорицирующее пятно, за которым по просеке тянулся столб света.

— Так фестиваль — запустили какую-нибудь новомодную дрянь, а её к нам ветром снесло, — здраво рассудил Талгат. — Айда за ним, снижается!

— Стойте, олухи! — только и успел выкрикнуть вслед убегающим в тайгу Кольке и Талгату дед. — И на кой вам непутёвым сдалась эта игрушка, что вы с ней делать будете? — сокрушался он, глядя на то, как Сашка нехотя поднимается со своего места, чтобы последовать за ними.

За минуту набрав темп, Сашка во весь опор нёсся по просеке, стараясь не выпускать из виду маячащих впереди спин товарищей. Внутри у него что-то холодно шевельнулось, когда он заметил, что параллельно их движению по полосе и меж деревьями бегут небольшие, не выше метра в высоту, завернутые по спирали вихри. Сразу в памяти всплыл давний наказ его прабабки Степаниды: «Никогда не бросай в них камни и палки, никогда не подходи близко — уташат», и её сказ про жнеца. Последний раз прабабку свою Саша видел, когда ему было лет восемь отроду, но науку её травную и сказки по сей день не забыл. В той истории мужик бросил в такой вертушок серп и тот обратился на его глазах раненым юношей, который тут же и помер, успев лишь молвить: «Я ехал на сходбище, а ты меня убил».

Следуя за летящим в направлении болота светящимся шаром, Колька и Талгат свернули с прямой дороги в лес, Сашка последовал за ними, теперь его от них отделяли лишь несколько десятков метров. Практически одновременно они выскочили на открытое место и остолбенели — над болотом стояло полуденное солнце, в тёплых лучах которого нежилась первый снег. Ошибки быть не могло, первый — земля под их ногами была усыпана свежепалой листвой, а на кустиках клюквы тут и там краснели крепкие, ещё не тронутые морозами, ягоды.

— Вы тоже это видите? — спросил Талгат, указывая подбородком вдаль. Прямо посреди болота, как мираж, пред их глазами явился большой костёр, вокруг которого водили хоровод облачённые в белые одежды люди. Они пели на непонятном языке так красиво и стройно, что нечаянные слушатели, невольно поддавшись магии звуков, напивавшей всё окружающее пространство умиротворяющей лёгкостью, без договорённости одновременно шагнули из-под сени деревьев в свет.

Сделав несколько шагов вперёд, Саша остановился, заметив у себя под ногами травку заветную, корневище которой берут только по осени, когда вода на болотах сходит — именно то, что деду Тихомирову сейчас нужно. Ухватившись покрепче за высокий стебель, он дёрнул его и, вдруг ощутил, как всё вокруг начало стремительно меняться — густые тени затягивающих небо облаков побежали по наливающейся тёмными водами земле, вмиг опустившийся на болото туман поглотил все звуки.

— Коля, Талгат, — позвал Сашка, теряя сознание, — Ко...

Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он отключился, но быстро узнал место, где находился — отсюда до буровой рукой подать, о массивный корень сосны, у изножья которой он сейчас лежал, он запнулся по пути на болото. Как он сюда попал, он тоже не знал — последним, что осталось в его глазах, были голубые огни в тумане, после которых была только чернота, да голос поющей ему колыбельную бабки Степаниды.

— Бред, — решил он про себя, поднимаясь на ноги, и, сложив руки рупором, ещё раз крикнул, — Колька, Талгат!

Когда на его зов никто не откликнулся, подумал, что они, должно быть, давно вернулись в вагончик, а его на обочине просеки просто не заметили — в тайге и днём человека найти задача не из лёгких, а ночью и подавно, особенно если не знаешь, что его нужно искать. Похлопав себя по карманам и осмотревшись по сторонам в поисках сигарет, Сашка увидел, что стоит на том самом пригрезившемся ему стебле.

— Бред, — повторил он теперь вслух, не веря собственным глазам, но поднял растение с земли и, отделив корневище от травы, положил его в карман ветровки.

Приунывший было дед Тихомиров — ребят не было уже более получаса — увидев бредущего назад по тропе Сашку, повеселел.

— А эти охламоны где? — выкрикнул он, выбегая ему на встречу, — всё ещё зелёных человечков ловят?

— Дед, я не смог их догнать, — отстранённо ответил тот и, не глядя деду в лицо, сразу прошёл в бытовку, откуда через минуту появился с ковшом, тёркой и упаковкой стерильных бинтов.

— Как же так, Сашенька, как же так? — суетился дед, глядя на то, как Сашка моет и чистит какую-то коряжку. — Если ещё через полчаса не придут, сам пойду их искать!

— Подверни штанину, дед, — скомандовал Саша, стягивая с себя грязную куртку и засучивая рукава свитера.

— Вот, Сашенька, — выставив вперёд больное колено, дед заплакал — за всю свою немаленькую жизнь он только единожды у молодого мужчины видел такую седину, когда после войны из немецкого плена вернулся сын соседки тёти Поли.

— Завтра вечером этот компресс следует заменить на новый, — мягко сказал Сашка, закончив бинтовать деду ногу, — полынная настойка за шторкой на окне. Искать их я один пойду, а ты сиди тут и даже не думай ходить за мной, понял?

— Понял. Только ты бы куда не ходил сегодня, сынок, — дрожащим голосом попросил дед. — Завтра посветлу вместе пойдём и найдём их — сидят себе, небось, где-нибудь на пустыньке, заблудившись в трёх соснах, да рассвета ждут.

Сашка молча оделся и, улыбнувшись деду Тихомирову на прощанье, ушёл обратно в тайгу.

Больше его никто и никогда живым не видел, как и Кольку с Талгатом — двухнедельная поисковая операция, организованная управляющей компанией, не дала никаких результатов. Только с тех самых пор на этом кусте люди стали наблюдать странное природное явление — три небольших, не выше метра, завернутых по спирали вихря, движущихся в связке. Чаще всего их видят в начале июня, когда на землю Самотлора приходят белые ночи — появившись ровно из ниоткуда, они на миг останавливаются у старого вагончика-бытовки, а после, сорвавшись с места, уходят в тайгу. Старожилы месторождения их не тревожат и молодым не дают — упреждают: «Не подходите близко, а то уведут с концами в тайгу Сашка, Колька и Талгат».

Кат Кудина

Art. K.

Юлия Гарева

К'анеки Илайя

1

О славных героях поют менестрели,
О битвах великих слагают стихи.
И тысячи песен они перепели,
И нот меж собой миллионы сплели.
Цепляются строчки, с собой зазывая.
Навязчиво просят они рассказать,
Как эльф молодой, К'анеки Илайя
Посмел свое сердце принцессе отдать.

Храбрей юный К'анеки многих героев,
Отважен и чист он своею душой,
Но, все же, прекрасной принцессе Ниэлы
Судьбой и отцом напророчен другой.

На третий день лета венчание свершится,
Готовится к пиру эльфийский народ.
Принцесса Ниэлы лишь не веселится,
Сидит у окна и о чем-то поет.

Вдруг небо окрасилось краской кровавой,
Вдали показались два черных крыла.
И с неба дождем золотистым сорвался
Драконий огонь все сжигая дотла.

Ужасные крики плывут по округе.
Все лучники царства сгорели дотла.
Лишь видел король, как принцессу Ниэлы
Крылатая тварь в Темный Лес унесла.

Храбрейших героев в дворец зазывают.
Осмелится кто же принцессу спасти?
Илайя коня в дальний путь собирает —
Готов в Темный Лес за Ниэлы идти.

2

Уж третья луна, как Илайя в дороге,
И Темного Леса стена впереди.
Привел конь героя на холм одинокий.
К'анеки решает здесь ночь провести.

Усталость сломила сознание Илайя,
Конь верный под тяжестью ночи затих,
Но возле холма сила крутится злая —
Плетется коварный аркан для двоих.

И снится К'анеки, как мертвые руки
На шее сжимаются, жаждут убить.
Не может Илайя от них оторваться,
Закрытые веки не в силах открыть.

Ужасные мысли в сознании мелькнули:
"Не уж-то бесславным мой будет конец?"
Но пальцы врага свой захват разомкнули,
И руки убрал от К'анеки мертвец.

Едва от смертельного сна просыпаясь,
Илайя во тьму вопрошая глядит:
"Откуда спасенье пришло?" Улыбаясь,
С топориком Гоблин над трупом стоит.

3

На утро К'анеки коня снаряжает.
Решается Гоблин герою помочь,
Ведь в Темном Лесу все тропинки он знает
И ведает, где королевская дочь.

"Принцессу твою Темный Садгорл похитил.
Драконы у башни ее стерегут,
Вокруг ходят орки, я сам лично видел!
Ловушки смертельные странников ждут."

А в Темном Лесу ни души и ни звука,
И солнца теряются в кронах лучи.
Старинное зло проживает в округе,
Река Мертвецов вдоль тропинки журчит.

Илайя внимателен и насторожен —
Опасностей много лес странный таит.
А Гоблин как будто ничуть не встревожен,
Тихонько под нос себе песню свистит.

Средь старых деревьев мелькнула фигура.
Илайя глядит: "Как знаком силуэт!"
Не верит глазам — на дорогу шагнула
Сестра, что уж год, как покинула свет.

"Приветствую, брат мой, как радостна встреча!
Я здесь, чтоб помочь тебе, слушай меня.
Иди на закат вдоль течения речки,
А после бросай, не жалея, коня.

Врата царства Сэлмор тебе откроются —
Отныне, не верь в то, что видишь вокруг.
Лишь чувства помогут тебе разобраться
И справится с Садгорлом Темным, мой друг."

4

Илайя и Гоблин, запомнив советы,
Помчались по лесу быстрее теней.
Вдруг речка затихла, пробился луч света —
Пора избавляться от верных коней.

Едва земли Темного Леса покинув,
Выходят к огромным воротам друзья.
Сияют на них три огромных рубина
И кружит вокруг золотая змея.

Она, приподняв свою голову плавно,
Окинула взглядом незваных гостей,
Шепнула: "Бегите, иначе подавно
Собрать вы не сможете даже костей!"

Но мудрой змеи не послушав совета,
Илайя ворота рукой отворил...
В глазах вдруг померкло сияние света —
Дубиною орк эльфу череп пробил.

5

Спустя трое суток очнулся Илайя,
А рядом принцесса Ниэльи сидит.
Наш смелый герой, от любви замирая,
С улыбкой на девушку нежно глядит.

"Скорей же, пойдемте со мною,
принцесса,
Я вас от волшебника злого спасу!
За вами пришел из-за Темного Леса
И хоть на край света я вас увезу!"

Принцесса Ниэльи усмешку скривила —
"На что ты надеялся, глупый герой?
Спасать себя я никого не просила,
Ведь принц Темный Садгорл —
возлюбленный мой!"

Тут в комнату Гоблин заходит довольный,
Принцессу целует у всех на глазах;
"Приятно представиться, — принц
Садгорл Темный", —
Улыбка играет на тонких губах.

Илайя, увидев предательство друга,
С кровати вскочил и схватился за меч.
Но Садгорл спокойно, без тени испуга
срубил эльфу глупому голову с плеч.

О славных героях поют менестрели,
О битвах великих слагают стихи.
И тысячи песен они перепели,
И нот меж собой миллионы сплели.

Сасья Хрусталева

Золотая стерня

Я шла по полю. Весной оно было засеяно пшеницей. Сейчас уже пшеница была убрана комбайнами и свезена в закрома. Кое-где оставались большие валки круглых копен жёлтой соломы.

А вот стерня оставалась без изменения и держалась своими корнями пока еще крепко за землю и чувствовала себя полновластной хозяйкой. Она так хрустела под моими ногами, обутыми в ботинки, что казалось, я наступаю на упругие пружинки и они, не желая ломаться, громко хрустнув, распрямлялись.

Идти в обход поля было далеко, да и жалко времени. Мне хотелось сократить путь, который я наметила. Но видно, я всё-таки опоздала... Из-за леска, расположенного на небольшом расстоянии от бывшего пшеничного поля, по которому я шла, донёсся звон колоколов. Я-то спешила как раз к началу службы. Но, честно говоря, теперь не пожалела, что опаздывала. Наконец-то я слышу со стороны звон колоколов, который возносился к небесам.

В начале осени небо было прозрачно-синим и приглашало в свои бездонные, пока еще не захваченные осенними густыми облаками и тучами в заповедные просторы. И звон колоколов, побродив в леске по верхушкам смешанных деревьев, зацепившись немного за хвойные кружева высоких сосен, освободившись от пут хвои, устремился ввысь.

Теперь я старалась идти очень осторожно, чтобы стерня своим хрустом не вплеталась в звуки, которые эхом опускались на поле. У меня появилось желание сесть, и вслушаться в эхо. Но стерня не позволяла присесть, и мне пришлось приостановиться.

На какую-то долю секунды моё сознание устремилось вслед за колокольным звоном, как за музыкальной мелодией. Но вдруг, явственно я услышала звуки, доносившиеся из маленьких жёлтых соломинок, лежащих у меня под ногами. Словно кто-то дул в них, как в древние пастушьи рожочки, извлекая мелодию — сыграв на каждой желтой соломинке в отдельности, и... объединив в одну целую музыку. Незавершенные, заблудившиеся в верхушках лесных деревьев отсутствующие звуки заполнялись теми, которые вырывались из золотистых соломинок.

Стоя на месте, я увидела стерню в другой роли — она, при лёгком дуновении ветерка, перекачивалась волной, в такт звучащей над полем музыки.

Солнце перебирало своими тёплыми лучами, как по струнам, по рыжим коротким соломинкам и превращало каждую, до которой дотрагивалось, в золотую. Это был миг волшебной сказки. Мне хотелось крикнуть, призвать кого-то в свидетели, чтобы не только я одна видела превращение обыкновенной стерни, которую вскоре перепашут и смешают с землёй, в золотую. Но что-то мешало мне это сделать.

На миг мне показалось, что круглые соломенные валки перемещались в такт звучащей над полем, льющейся с неба музыки, окрашенной в золотой туман, выпавший среди белого дня и осевший на всё скошенное поле. Всё, что окружало меня, стало одним целым, слилось со звоном колоколов, доносившегося из-за леска.

Маленькая сказка наполнила меня необъяснимым чувством, удивила красотой убранного поля, которое показалось мне покрытым золотым покрывалом при звуках Благовеста.

Анна Кокотова

Закли

Юрий Франк

Ника

Алексей Решенков

Кот Василий

В бытность свою человеком кошек терпеть не мог. Ну, а теперь вот, сам не знаю за какие-такие прегрешения, коротаю свои дни котом Василием. Мальчишки продали меня на рынке какому-то торгашу за сущие копейки. Тот, в свою очередь, сторговал меня даме в белых джинсах. Отвратительная, надо сказать, фифа. Вся из себя нафуфырена и пахнет чем-то вызывающим. К тому же, как я заметил, курит. В той жизни, будучи мужиком, обходил таких за километр. С ней билетиком в кино не отделаешься, где уж нам, пролетариям, в рестораны хаживать. Да и укарауль такую, пожалуй. Ты на работу, а она хвостом крутить, стерва. Сейчас уже совсем другое дело. Она меня в клетку посадила, хоть обмякайся, не отпустит. Нет, могу конечно же голос показать, но только какой мне от этого резон?! Если бы торгаш меня к вечеру не продал, то выбросил бы на ближайшей помойке. Вот и собирай там блох после этого, подбедая объедки. А там, глядишь, и зима. Если подвал какой не приглядишь, замёрзнешь. Нет, уж лучше я помолчу. Фифа, небось, не консервами питается, глядишь, и антрекотик перепадёт, рыбка какая-нибудь. Да и не в сарае живёт. Не-е, я не дурак, помолчу-ка я лучше. Чего нарываться-то?

Фифа бросила мою клетку на кожаное сиденье своего белого лимузина. Что касается кожи, не знаю, ничего не могу сказать, не сиживал. А вот белый цвет мне не нравится, бабский. Хотя ночью спать на каком капоте, белом или черном, мне без разницы. Только не на советском автопроме. От него всегда бензином пахнет и всю ночь под капотом что-то булькает, в общем, не сон, а так, название одно.

Ехали мы долго, видимо, я малость утомился и заснул. Проснулся от того, что Фифа встряхнула мою клетку и сказала:

— Ну что, Иннокентий, приехали. Как ты смотришь на то, что тебя я буду звать Иннокентием? А, Кеша?

Да мне по барабану, подумал я про себя, лишь бы угол был, да кормили. Фифа потрепала меня за ухом и потащила в дом.

О доме стоит сказать особо, таких я еще не видывал. Огромный домина в три этажа, с гаражом. На втором этаже балкон из кованного железа. А перед домом бассейн, и всё это обнесено большим кирпичным забором. Ну и Фифа, так жить можно!

Дверь нам открыла полная блондинка лет сорока, с мешками под глазами и чрезмерно увеличенной талией. Господи, подумал я, это ж такую еще и найти надо. Редкий экземпляр.

— Александра Ивановна, мне кто-нибудь звонил?

— Дважды звонили из офиса. И, Надежда Павловна, звонил Виктор Иванович, просил Вас перезвонить.

— Спасибо, а вот Вам новый член нашего малого предприятия. Как он Вам? - И не дожидаясь ответа, Фифа продолжила: - помыть, накормить, и вызовите врача, пускай его посмотрят и сделают прививки.

Блондинка взяла мою клетку и понесла в дом, точнее в ванную комнату. Комната была вся в зеркалах, смесители сделаны под золото, а ванная такая глубокая, словно бассейн. Александра Ивановна опустила клетку в ванную и выпустила меня. Я понял, что дела мои плохи. Попробовал выпрыгнуть, но когти заскользили по стенкам, и я скатился вниз.

— Экий ты шалунишка, — пробурчала толстушка. — Чистым оно ведь и тебе легче будет.

С этими словами она взяла меня за шиворот и напшикала на меня вонючий шампунь. Где это видано, баба мужика моет. Это я только своей Катюхе позволял, да и то, если она тоже в обнаженном виде. Во всём люблю равноправие. А это ж издевательство!

Я попробовал укусить её за толстый палец, но она, видимо, предвидела подобное развитие событий, и еще сильнее сжала меня своей огромной рукой. Подобного унижения я никогда не позволял по отношению к себе. С тех пор я невзлюбил её и обозвал «ведьмой».

Ведьма вытерла меня насухо махровым полотенцем и отнесла на кухню. Там меня уже ждала тарелка с яствами. Батюшки, я не поверил глазам своим. Принюхался. Да этого не может быть! На тарелке лежала мелко порезанная, без костей севрюга. В прошлой жизни я только дважды ел этот деликатес: на собственной свадьбе, да на похоронах тестя.

Быстренько проглотив рыбу, слизнув всё до единой крошечки, я улучил момент, когда ведьма отвернулась, и сиганул вон из кухни. Пробежав до конца коридора, обернулся, никто не преследовал меня. Теперь можно спокойно оценить обстановку.

Вдоль коридора было много дверей, но все они были закрыты, оставалось только бежать на второй этаж. Мраморные ступени, ковры, боже мой, куда я попал? На втором этаже вдоль стен стояли большие вазы с цветами, и, в общем-то, здесь не так дурно пахло, как на первом.

Эх, видела бы моя Катюха, где я сейчас обитаю! После хрущевки с проходной комнатой это был замок. Пейзажи на стенах в позолоченных рамах, огромные часы от пола до потолка с гириями на цепочках. Такое я видел только в музее. Ну и Фифа!

Только одна дверь на втором этаже была приоткрыта. Проскользнув внутрь, я оказался в большой комнате, судя по всему, спальне.

Эх, ма-а. Вот тебе ёшкин кот и хухры-мухры. Кровать занимала почти всю комнату, хошь - вдоль ложись, хошь - поперек. Эх, Катюхе бы моей такую, а то мы всё на раскладном диване ютились. Он, подлец, как любовью заниматься, так скрипеть начинал. А за стеной тёща. Смех, да и только.

Прыгнув на кровать, я улёгся на брошенный здесь кем-то халат и начал обозревать комнату. Напротив кровати расположился такой же огромный телевизор, потом шёл бар. Сразу за баром окно, что выходило в сад. За ним такое же большое, как всё в этой комнате, зеркало. Вот из-за зеркала и появилась она, Фифа. Видимо, за ним находилась ванная комната, потому что Фифа вошла в спальню совершенно обнаженная. Она шла и расчесывала мокрые волосы.

— Оказывается, у меня гости. Добро пожаловать, Иннокентий.

С этими словами Фифа взяла меня на руки и, прижав к своей груди, поцеловала в носик. Такую грудь в бытность свою человеком я рассматривал разве что в глянцевых журналах, которые мужики наши понатащали в бытовку. Во времена перекуров мы нередко обсуждали их. Каждый из нас невольно сравнивал эти достоинства с достоинствами законных супругов, и всегда, увы, сравнения были не в их пользу.

— Какая же ты прелесть, Кеша! Какая же я молодец, что выбрала тебя!

С этими словами Фифа положила меня на спину и начала щекотать мой живот. Нет, я не сопротивлялся. Во-первых, очень устал, во-вторых, если она меня и дальше будет так кормить, я позволю ей всё. Ну, а в-третьих, мне просто было приятно внимание ко мне Фифы. Мне показалось, что здесь, дома, она из Фифы превратилась в нормальную, классную девчонку. Пропал апломб, высокомерие, чопорность, что я совершенно терпеть не мог в женщинах.

— Ты только никому не говори, Кеш. У меня есть одна слабость. Я очень люблю пастилу и зефир в шоколаде. Будешь? У меня здесь есть коробочка.

Фифа достала из бара коробочку пастилы. И, явно смакуя, откусила белое лакомство.

— Я одна могу съесть целую коробку. Вот какая я сладёна!

Потом Фифа долго красовалась перед зеркалом, перебирая и опрокидывая на себя кучу тюбиков и бутылочек. Затем, расположившись на кровати, она включила какой-то боевик. Я же улёгся у неё в ногах, свернувшись калачиком на пуховом одеяле, и заснул.

Ночью раздался звонок мобильного телефона, фифа прижала телефон к уху и воскликнула:

— Да ты сумасшедший!

Быстро накинув халат, она выбежала из комнаты. Вернулась также быстро, но не одна, с хахалем. У меня уже глаз намётан, я таких за версту чую.

— Я с самолёта и сразу к тебе, соскучился, — только и сказал он.

Глаза горят, бред какой-то несёт. Ага, сейчас ещё скажет, что кофейку зашёл попить в два часа ночи?! Я-то знаю, зачем он зашёл. А Фифа, Фифа-то вовсе в дурочку превратилась, так и юлит вокруг него, так и юлит. Того и гляди, сейчас на шею ему бросится, начнутся лобзания. Нет, пожалуй, пойду я с кровати, видимо, она им сейчас нужней будет. Приютился под телевизором, но разве заснёшь, когда эти на кровати шуршат. Эх, молодежь, ни опыту, ни азарту у вас нет. Вот была бы здесь моя Катюха, я бы показал вам высший пилотаж.

Рано утром Фифа с хахалем быстро собрались и уехали, я же взобрался на кровать и заснул.

Фифа пропала. Вот уже как три дня её не было дома. Утром каждого дня ведьма кормила меня, потом сажала в клетку, отдавала водителю, и я ехал на работу. Мои обязанности заключались в том, что перед тем, как состоятельные люди, купившие квартиру, дачу, коттедж, входили в своё новое жилище, обязательно запускали нас, котов. Чтобы это жилище приносило им счастье и радость. Кто победнее, те сами ловили бездомных кошек и запускали в дом. Конечно же предрассудки это, но они, эти самые предрассудки, приносили фифе солидный капитал.

Вечером возвращался домой, ведьма кормила меня. И так каждый день. Без Фифы мне стало как -то одиноко, тоскливо. Только она могла просто так со мной поговорить, приласкать. Каждый день я заходил в её спальню. Обнюхивал тапочки, в надежде убедиться, что Фифа пришла. Но они пахли так же, как и в тот день, когда я в последний раз видел её. Тогда я прыгал к ней на кровать и спал

там до самого утра. Ведьма ругала меня за то, что я сплю в спальне хозяйки, но на следующий день я приходил сюда снова.

На пятый день за дверью я услышал знакомые шаги. Моё сердце весело подпрыгнуло. Прислушался. Да, несомненно, это были они. Шпильки мерно постукивали по мраморной плитке пола. И это шуршание кожаной куртки. Звон ключей. От радости я начал носиться по прихожей, потом, вцепившись когтями в ковровую дорожку, приготовился к прыжку. Дверь приоткрылась, и в щель протиснулась пушистая кошка. Она бесцеремонно подошла ко мне, обнюхала и сказала:

— Мурр, мяу, прошу Вас тише. В этом доме не любят, когда кто-нибудь шумит, кроме хозяйки. Поэтому, если хотите спать в тепле и вкусно кушать, советую поубавить свой пыл.

— Ещё чего?! — воскликнул я

— Ну и глупо.

С этими словами, взметнув хвост, таинственная незнакомка удалилась в комнату.

— Боже, как она грациозна! А как лоснилась её шерсть! Кем она была в прошлой жизни? А этот волнующий пушок за ушками.

Невольно всем телом я подался за ней, улавливая волшебный, неземной запах. Но тут меня окликнула хозяйка:

— Иннокентий, дружок, что-то ты сегодня развеселился? Иди ко мне сюда, я познакомлю тебя с Бэтой.

— Ах, вот как, её зовут Бэта. Всё равно, она прекрасна, — подумал я про себя. Её загнутые вперёд ушки, её беленький хвостик, всё это теперь будоражило моё воображение.

Бэта лежала в большом кожаном кресле и смотрела мультфильмы. Прежде чем подойти к креслу, я наострил свои уши, выпятил грудь и поднял хвост, чтобы предстать перед Бэтой во всей красе. Она мельком глянула на меня и промяукала:

— Да что Вы, сударь, в этом доме мышей не бывает.

Я растерялся и даже не знал, что ответить.

Ближе к вечеру пришла мастер и, выложив из своей сумочки с десятков расчесок, кусачек и ножниц, принялась расчёсывать Бэту.

Трудно представить другую, более удобную позу для наблюдения, чем выбрал я. Взобравшись по шторе под потолок, перепрыгнул на большой тёмный шкаф и улёгся наверху. Здесь было довольно таки пыльно, отчего я даже несколько раз чихнул. Но мне было очень хорошо видно, как Бэте, которая лежала на спине, поджав лапки, расчесывали белую шерсть на её груди. Какие чудные у неё лапки, а какой хвостик? О, как она божественна! Разве можно вот так с кошками? Я готов был сорваться к Бэте и доказать ей, насколько я неравнодушен к ней. И в то же время я продолжал говорить себе: «Не время, не время ещё, Василий».

В комнату несколько раз заходила Фифа, как всегда прижимая телефонную трубку к уху. Посмотрев, как мастер работает с Бэтой, она опять удалилась на кухню. Пока она шла по коридору, я расслышал обрывки разговора Фифы с неизвестным мне Виктором Ивановичем.

— О, несомненно, Виктор Иванович. Все наши кошки имеют родословную и состоят в клубах. Как Вы смотрите на то, что предоставим Вам кота породы Пикси-боб, привезённого для нас из Канады? Вам он очень понравится... Если Ваша супруга предпочитает кошку, мы можем предложить Вам Скоттиш фолд... Хорошо, фото я сброшу Вам по е-мэйлу. Всего доброго.

Я ничего не понял из этого разговора, кроме одного: у Фифы, помимо меня и Бэты, есть какой-то Пикси-боб и Скоттиш фолд это мне совсем не понравилось. Фифа вернулась к нам в комнату и сказала:

— Бэта и Иннокентий, завтра на объект. Отныне работать вы будете вместе.

Утром меня подняли рано. Пришла, шаркая тапочками, ведьма, схватила меня за шиворот и отнесла на кухню. Бэта уже была здесь. На завтрак нам дали постную говядину кусочками и гречку. Катюха под такую закуску всегда наливала мне рюмочку, но видимо, котам водочка не положена. Да и во всём доме водку я видел разве только что у ведьмы. У Фифы в баре стояло много красивых бутылок, из которых знакомо мне только шампанское и виски. Виски я в магазине видел, больно дорогая штука. Назначение других бутылок вовсе мне неведомо.

После завтрака ведьма посадила нас с Бэтой каждого в свою клетку и отнесла в машину.

Несмотря на кипящую во мне страсть к Бэте, я старался не подавать вида. В конце концов, надо и себе знать цену. Стараясь быть незаметным, я всё же наблюдал за ней через сетчатый узор моей клетки. Потом набрался смелости и спросил:

— Бэта, а как ты думаешь, у нашей хозяйки есть ещё кошки кроме нас с тобой?

Бэта нехотя повернулась ко мне, как будто спросонья, и ответила:

— Чудной ты, Иннокентий. Конечно, нет. Почему у тебя возник такой странный вопрос?

— Я слышал, она по телефону говорила про какого-то Пикси-боба и Скоттиш фолд.

— Какой же ты, Иннокентий, наивный. Это наши с тобой породы. Вот у меня, например, порода Скоттиш фолд, а у тебя значит, Пикси-боб.

Откуда взялся Пикси-боб - не знаю. Мать моя была дворовая кошка Машка. А отец? Да разве всех их упомнишь? Потом всю дорогу я так и не нашелся, что спросить у Бэты, а она, похоже, задремала.

Хахаль стал приходить всё чаще и чаще. Как всегда, они закрывались в спальне Фифы и продолжали шуршать до утра. Я пригнул себе местечко под телевизором, а Бэта спала на углу кровати. Так продолжалось долго, пока однажды хахаль не появился в спальню Фифы один. Причём он был явно выпивши. Схватив Бэту, он сильно швырнул её об стену, а сам рухнул на кровать. Во мне всё закипело: как он посмел обидеть Бэту? Что было сил, я прыгнул на обидчика и вцепился своими когтями в его сальное, дико пахнущее лицо. Это тебе за Бэту, это тебе за Фифу, а это тебе просто так от меня. Повторяя про себя эти слова, я каждый раз с новой силой царапал это одутловатое лицо. Хахаль неестественно завопил, схватил меня и с силой бросил в открытое окно. Испугаться я не успел. Пролетев через какие-то кусты, упал прямо на садовую дорожку.

Странно и необычно ощущать себя совершенно беспомощным. Придя в себя от удара об тротуарную плитку, я хотел было встать, но мои задние лапы совершенно не слушались. Я их не чувствовал. Интересно, как там Бэта? Может быть, ей нужна моя помощь, а я вот здесь развалился. Попробовал встать на передние лапы — это мне удалось, однако задняя часть моего тела тянула к земле. Ну-ка, думал я про себя, напрягись, Василий, еще чуть-чуть. С огромным усилием мне удалось подтянуть задние лапы к передним. Я очень устал, когда мне удалось вот таким образом доползти до входа в дом и спрятаться под лестницей.

Совсем недавно обнаружил лаз, ведущий сюда, и разве мог я тогда себе представить, что он мне пригодится. Отсюда хорошо было видно, как приехала Фифа, как она выгнала из дома хахаль, как ведьма, Фифа и Бэта искали меня.

«Вот и всё, — подумал я, — вот и кончилась моя сказка. Кому нужен больной кот? Ах, Бэта, милая Бэта, я так и не сказал тебе всё, что хотел сказать».

Бэта лежала на Фифиной кровати и размышляла о своей кошачьей жизни. Ну почему мне никогда не везёт? Почему, как только я встретила, пускай глуповатого, но порядочного кота, он исчез? Дура, дура я, ведь хотела с ним поговорить и сказать, что он мне симпатичен. Может, если бы мы поговорили, он не ушёл бы от нас. Ах, Кеша, Кеша, где ты?

А Фифа в это время разговаривала по телефону:

— Ты приносишь мне одни неприятности! Нет, дорогой мой, ты вышвырнул в окно не кота, а работника моего предприятия! У меня сорвались заказы. Задета моя репутация. Будь добр, забудь мой адрес и номер телефона.

Положив телефон в сумочку, Фифа заплакала. Она была уверена, что наконец-то ей встретился тот самый человек, о котором она мечтала. Она с нетерпением ждала его звонка. Часами стояли возле зеркала, чтобы казаться самой красивой, самой желанной. Отдавалась ему, чтобы приглушить огонь страсти, который пылал в ней. А он стал приходить на свидания пьяным. Совсем перестал делать подарки. И вот, вышвырнул Иннокентия из окна её спальни на улицу. «И всё-таки, попроси у меня прощения, и я тебя прощу, только попроси, и я опять упаду к твоим ногам», — думала Фифа.

В тайной надежде она посмотрела в окно, но на улице никого не было. Ничего, думала Фифа, вот сейчас на дороге покажется его чёрный «Вольво», и он выйдет из машины с огромным букетом роз. Но «Вольво» так и не появился.

Не одну ночь Василий провёл под крыльцом: ему ужасно хотелось есть, он очень ослаб. Но вот однажды в лаз просунулась мордочка Бэты:

— Ах, вот ты где?! Ты чего здесь спрятался, пойдём домой, тебя все ищут.

— Прости, Бэта, наверное, сейчас самое время сказать, что я тебя люблю.

— Это я уже давно поняла. Конечно, мне это очень приятно, но, наверное, мы лучше продолжим разговор дома? Пошли, Иннокентий.

— Не могу, видимо, у меня что-то с лапами.

И тут только Бэта заметила неестественную позу Иннокентия.

— Сейчас, жди меня, я вернусь.

Бэта вернулась быстро, неся в зубах кусок рыбы.

— Ты, наверное, голодный. Вот, подкрепись пока. А я пойду, поищу кого-нибудь из людей.

— Милая Бэта, не надо, не зови никого. С такими лапами я никому не нужен. Меня выгонят из дома, и я не смогу видаться с тобой, — взмолился я.

— Ну, и дурачок ты, Иннокентий. Хозяйка любит тебя, вот увидишь, всё будет хорошо.

И действительно, всё, что происходило потом со мной, было как продолжение сказки. Бэта привела с собой ведьму, та принесла меня домой. Потом появилась Фифа. Посмотрев на меня, она расплакалась и позвонила врачу. Тот, подлец, всадил мне в заднее место какой-то укол, что у меня перед глазами все сразу, и Бэта, и Фифа вместе с ведьмой, закружились, и я куда-то провалился.

Проснулся рано утром, когда Фифа еще нежилась в кровати. Бэта спала рядом со мной, а за окном уже вовсю играло солнце, и пели птицы. Я понял, что я счастливый кот. Фифа не выгнала меня из дома, у меня теперь есть подружка, Бэта. Вот только лапы смущали меня. Посмотрел на них, попробовал согнуть сначала одну, потом другую. И, осознавая, что всё плохое позади, подпрыгнул и, что было силы, крикнул:

— Мяу-у, я счастлив!!!

Фифа вскочила с кровати и, поймав меня на лету, прижала к своей тёплой груди и стала осыпать меня поцелуями. Бэта смотрела на нас ничего непонимающими глазами.

— Мяу-у, — крикнул я еще раз. — Я счастлив, Бэта!!!

Виларен

Как аукнется, так и откликнется!

— Луна встаёт... — свекровь часто-часто закрестилась. — Почивать пора... - запоздавшие соседи чинно встали и в сопровождении свёкра вышли на двор. — Пойдём что ли?...

Белёна отрицательно качнула головой.

— Ни-и, мамо. Я над домовиной свечеряю... Вирши почитаю... Свечку потеплю... Идите сами.

— Доча, сама знашь: упокойник-то не простой...

— Знамо, мамо. Да не верю, что мой Петруша грех мне сотворит...

— Да, доча... Всего-то три седмицы и побыла мужней бабой. Но, что ж теперича делоть-то: на всё воля Его... — свекровь кивнула в сторону божницы.

— Жесток Создатель. Я вчера в вечеру скинула. — Белёна вытерла запястьем покрасневшие глаза.

— Не пеняй, доча, это милость Его: мож какой вдовый возьмёт...

Свекровь осторожно обошла домовину посолонь, обсыпая пол смесью пшена и соли и что-то бормоча себе под нос. Перекрестилась. Подошла к порогу.

— Идешь?

— Ни-и... — Белёна опять мотнула головой в чёрном плате.

— Как знашь, как знашь... — Решительно сыпанула соли на порог и закрыла дверь на заговорный засов из красной осины.

Белёна посидела в нерешительности, повторяя про себя «Отче наш». Потом встала на колени перед иконой Вседержителя Во Славе. Помолилась. Отбила три поклона.

— Прости, если сможешь... Я не в силах...

Белёна завесила икону и решительно сорвала нательный крест. Гайтан резанул шею, и на ворот закапала кровь. Сдёрнула плат и осторожно завернула в него свой крест.

— Прости, матушка, дочь свою непутёву... Была я славутна под кровом твоим. Ушла и вот, не успел каравай зачерстветь — уже вдовства. Прости.

Белёна приподнялась на цыпочки и сунула плат за божницу. Затешила от лампы жирник и погасила свечу. Постояла немного перед лампадой, собираясь с духом. Но, всё же дунула, гася последний освящённый огонь. Достала из под домовины серп. Косы... Краса женска. Толстые, блестящие, упругие. Они сопротивлялись, но серп был недавно отбит и насечён, и две чёрные змеи упали к ногам хозяйки. На лавку из кошелёя она высыпала всё, что сумела найти: пук волос из-под порога, ногти из пряников, иглы из пучков и подушек... Рванула чехол со стана. Не было искусней Белёны во всей округе. Все любовались её полотном и полотенцами... Ловкие пальцы стали привычно набирать основу из волос.

— Ты что деешь-то! Сука поганая!

Домовой с трудом перешёл через порог: свекровь от души заговаривала и соли не пожалела. Рубашка на Диде дымилась, но он всё же сумел перейти огненную реку. Белёна не оглядываясь швырнула в него гребень с очёсами через левое плечо.

Свекровь с ужасом слушала вой в избе с упокойником. По стрехам плясали синие огни, изба ходила ходуном, из под венцов дым курился сизый... Серный. Стали подтягиваться соседи...

— Что, Микулишна, за светопреставление-то?! Спаси и помилуй!!

— Так Петрушу-то порчей извели, да и Белёна скинула. Яловая теперь. Вот, видимо, Змей и посетил вдовицу: чуешь, как гиенной-то несёт?! Смерд-то какой!!

Мимо пробежал банник, зло плюнул в сторону свекрови.

— Что сотворила?! Колода старая!!! Во век такого не бывало, что бы доможились без опаски по двору бегали и на хозяев плевали!!! Что содеяла?! — Свёкр схватил жену за душегрею и тряс её как пук льна на поле.

— Ни я это! Ни я!!!

— А хто?! Откудова это?!

— Белёнка — ведьма!! Слышь, как воет?! Черти видать из ада по её душу явились!!

— Черти?!! – Соседи в ужасе закрестились и подались от хозяев в разные стороны, но далеко не ушли.

— А местожили?!! Убью, старая!!

— Ты и сам, небось, нечист! Небось уже успел потискать сношеньку-то?!! Вот и торопятся!

Кикимора умилённо наблюдала из угла, как домовый выпутывается из вороха кудели.

— Что, старый? Не всё по твоему вышло?

— Сгинь, проклятая! Не вишь, что паскуда задумала?!

— Вижу. В твоём же доме меня до петельки свекровка довела-то? В твоём. Вот уж сто лет как маюсь. А ведь и красна была и рукодельна. За что же невзлюбили меня так?

— Это дело давнее! Сгинь!

— А вдовица — как я. На неё же наговор был. Да заместо неё — мужа с дитём посёк. В своём она праве.

— Я вам покажу сейчас права! — Домовой разорвал кудель и бросился к Белёне, которая уже натягивала тяжи зева на стане.

Только зря поторопился Стрый: не стоило бежать мимо домовины. Поднялся Пётр с ликом чёрным, руками синими втянул его в круг тёмный.

— Ай да девка! Помогу я тебе! Вытки и мне уголок! — Кикимора схватила с пола кончик лунного лучика, пробившегося сквозь щёлку ставни. Жужжит веретено, стучит стан, ткётся покров. Всё что найдено — вплетётся в узор. Лунная нить сплетается со вдовьими волосами.

Банник размёл соль у порога веником и вступил в горницу. Да путь преградил ему малец, а в руках его — переводина, для его несделанной люльки. Убоялся Банный Хозяюшка: нет в мире страшней колдовского оружия чем не сделанная люлька, да ещё в руках убитого подлостью колдовской младенца. Вот только ужас за будущность округи сильнее оказалась: вперёд двинулся, поднял секач, коим перерубают пуповину на пороге и бросился в бой смертный...

Стучит стан, жужжит веретено, гремит переводина о секач, воет стрый в руках упокойника. Крестится народ христианский, слушая это, да подойти к избе не смеют. Солнца ждут.

Спас свекровь петушиный крик.

— Стой, старый! Мож нет вины на ней!

Двинулись бабы к избе. Размели круг защитный рябиновым веником, сняли засов заговоренный из осины красной. Отворили дверь в горницу...

Домовина стояла спокойно, как и положено посреди горницы. Только свечи не теплились, да лампада погасла.

Со стана была срезана законченная работа, а домовина была укрыта покровом красы невиданной. Искусна была Белёна: не было равной ей в округе. По покрову струились реки, да леса шумели. Бродили медведи да волки. По ветвям куницы сигали, да росомахи по полянам рыскали. По центру четыре красных петуха дрались на пустом гумне. А по углам в бахрому вплетены четыре высохшие куриные лапки. Искусна была Белёна. Искусна. Только лежала теперь мастерица в домовине с мужем в обнимку, да промеж ними младенец притулился.

— Спаси нас грешных...

Старая Микулишна первая выскочила на всход и безумными глазами обвела собравшийся люд:

- Бегите! За попом, колдуном и обеими ведьмами!!! Может они успеют... А сами грузите барахло в телеги и бегите!!! Может хоть кто-то уцелеет!...

Юрий Франк

День и ночь

Бэд Кристиан

Сказочка про жизнь блохов

Сказочка эта родилась под впечатлением от процесса вычитки многострадального моего рОмана Жкжж(он же Дкм).

Мама – Елена Грушковская. Она же – мастер по ловле блох.

Папа... Ну, папа тут самый главный поставщик этих самых блох. Сами догадайтесь, какое он имеет ко мне отношение.

Читайте. И не говорите потом, что не знаете, кто такой Розенталь:

В некотором царстве, в некотором государстве под названием Нетленка жили-были блохи. И жили не просто так, а семействами-кланами: Ашыпки, Ачипятки и Запитые. Жили мирно, меж собой не воевали, тихо-мирно сосуществовали.

Клан Ашыпок возглавлял старый граф Правилнезнай Орфографьевич-Хромой, у Ачипяток во главе стоял барон Мимоклавиш Сослепу-Нажимаевский, а Запитыми успешно руководил герцог Запитуйчек Гдепопало-Втыкайло.

Правил страной блохов король Громатей. Талантами обладал государь многими: писал — как курица лапой да вилами по воде, читал — фиги самые заковыристые в книгах разглядеть мог, тарабарскую грамоту знал отлично, так что самого Фильку за пояс заткнуть был вполне способен. (А был тот Филька учёным многоумрым: никто его мудростей понять был не в силах).

И всем хорошо было житьё блошиное, да только несчастье их преследовало одно... Над всей страной Нетленкой, где-то там в облаках парил невидимый Бох — Афтар, с которым король Громатей был не в ладах, поскольку Бох Афтар время от времени уничтожал его подданных... Прореживал он, как морковные грядки, население страны блошиной, но, едва только Афтар расслаблялся, как назло ему плодились блохи и размножались опять. И были они стойкими и неистребимыми, сколько Бох Афтар их ни морил.

И решил тогда Афтар бороться с упорными блохами по-другому...

Отыскиали археологи древний артефакт, называемый "Учебник под редакцией Розенталя". И прочли там, что ждёт мир блохов страшное орфографическо-стилистическо-пунктуационное перерождение. Заплакали блохи горькими слезами. Решили, что пришёл их смертный час.

И созвал король Громатей глав семейств на совет великий. Спрашивал он их:

— Что думаете по поводу сей грамоты? Можно ли ей верить?

Взял артефакт глава клана Ашыпок, граф Орфографьевич-Хромой. Повертел так и эдак, сказал:

— Государь! Думается мне, что грамота сия поддельная, и ничего умного в ней написано быть не может. Нельзя ей верить. Написана она не по-нашему, не по-блошиному, законы в ней чужие и правила немыслимые.

— Правда, правда, — поддержал его барон Мимоклавиш Сослепу-Нажимаевский. — Ни одной фиги в этой книге нет, все буквы на своих местах. Лживое писание, невесть кем составленное.

Нахмурился король Громатей.

— Кто же мог нам эту писанину непотребную подкинуть?

Поднялся Запитуйчек Гдепопало-Втыкайло и сказал:

— Владыка! Дозволь мне сыск организовать, чтоб негодяя выявить?

Король согласился, и глава семейства Запитых перевернул с ног на голову всю страну в поисках мистификатора. Но никто не мог претендовать на авторство, и тогда подозрения пали на учёного Фильку: с его-то непонятными мудростями только он был способен провернуть такое дело.

Схватили Фильку, привели к королю. И учинил ему король суровый допрос.

— Ты сочинил сию писанину и подкинул её копателям древностей?

Отрицал Филька, что приложил руку к изготовлению фальшивки, но не поверили ему, кинули в темницу, обвинив в государственном заговоре. Наутро должна была состояться казнь.

И вот, утро казни настало. Поднялся Филька на эшафот и опустился на колени у плахи. Развернули над ним свиток с приговором, но когда стали читать... Оказалось, что составлен приговор в соответствии с теми немыслимыми правилами, что были в «лживой писанине»!

Схватили писца, что составлял его, притащили к королю.

— Читал тот лживый свиток? — спросил грозно государь.

Тот, бледный от ужаса, кивнул.

— Интересно стало, вот я и...

И тут короля осенила догадка...

Велел он срочно подать бумагу и письменные принадлежности, и ему тотчас их принесли.

Попробовал король что-нибудь написать... Диво дивное! Строчки, что у него выходили, тем же диким правилам следовали буква в букву! Король выронил листок...

— Заразился... — пробормотал он. — Это зараза!

И повелел тогда король своим подданным: кто победит мудрёную грамоту словарную, тот возьмёт в жёны его дочь, принцессу Громатессу.

Бросились блохи с Розенталем воевать...

А хитрый Афтар на облаках только ручки потирает да хихикает.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...

Многие мудрецы головы ломали, как заразу грамотности победить да прежние блошинные порядки вернуть, да только сильна была та зараза, одолевала она деревню за деревней, город за городом. Хоть и велел король тот свиток, копателями старины найденный, сжечь, но стали то здесь, то там находить всё новые и новые свитки. Все, кто их хоть раз видел, становились грамотными. Распространялась напасть и по-другому: только раз услышав речь заражённого или прочтя написанное им, можно было ту заразу подцепить.

Те, кто ещё не успел заразиться, уходили в леса и горы и жили там уединённо, никого к себе извне не пуская. Но всё меньше и меньше оставалось таких кучек...

А тем временем в Нетленку приехал иноземный принц Ошибокнет, и влюбилась в него принцесса Громатесса без памяти. К тому времени стали свыкаться блохи с заразой: проникла она в их умы. И не стал возражать король против свадьбы Громатессы с Ошибокнетом, отдал ему свою дочь единственную в жёны. И только иногда снилась пограмотневшим блохам во сне зилёная трафка, яркое солнце вгалубом небе и шелес бирёзак в ледный день.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/